

МИХАИЛ ЗАХАРИН

ПРИГОВОРЕННЫЙ К ПОЖИЗНЕННОМУ

*Книга,
написанная
шариковой
ручкой*

Михаил Сергеевич Захарин Приговоренный к пожизненному. Книга, написанная шариковой ручкой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69894409

Приговоренный к пожизненному. Книга, написанная шариковой ручкой /

Захарин М. С.: ОГИ; Москва; 2018

ISBN 978-5-9428282-9-5

Аннотация

Арест и страшный приговор полностью перевернули жизнь Михаила Захарина. Что было после? Об этом книга – честная, очень личная, порой страшная, а иногда и лиричная.

Быт, нравы, способы выжить в заключении, «интересные» методы следствия и постоянное невыносимое давление – следственный изолятор, пересылки и тюрьма изнутри.

И надежда, которая не покидает автора, несмотря ни на что. Лучше прочитать, чем пережить.

Содержание

Михаил Захарин: выживший и услышанный	6
Приговоренный к пожизненному. Книга, написанная шариковой ручкой	39
Часть I	39
Конец ознакомительного фрагмента.	80

**Михаил Захарин
Приговоренный
к пожизненному
Книга, написанная
шариковой ручкой**

О·Г·И

Михаил Захарин: выживший и услышанный

Андрей Рубанов

1

Российские тюрьмы и лагеря не наказывают преступников. Об этом написано в главном законе тюрем и лагерей: Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, в главе 1, статье 1. «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами». Здесь, же в главе 1, можно прочесть, что у осужденных есть свои права, свободы и законные интересы.

Однако общество наше, при всех его достоинствах, устроено так, что соблюдение прав, свобод и законных интересов заключенных нигде широко не обсуждается.

Существует негласный пакт. «Заговор молчания». И главные участники этого заговора – сами осужденные. Чем больше человек пострадал, пребывая в тюрьме, чем больше тягот он вынес – тем крепче он сжимает зубы, тем меньше он говорит об этом. В результате российские тюрьмы и лагеря

давно превратились в terra incognita, неизвестную землю.

Что там происходит? Как там живут люди? Более 600 тысяч человек по состоянию на 2018 год? Для современной России тюрем и лагерей как бы вообще не существует. Они есть, но их нет. Нет ни книг, ни теле- и радиопередач, ни дискуссий.

Хорошо это или плохо – я не знаю.

Когда я в 2005 году написал роман о тюрьме и опубликовал его – издатели сказали, что максимальный тираж такой книги не должен превышать 10 тысяч экземпляров: больше продать невозможно, массовый читатель про тюрьму не хочет знать. Для сравнения: в США есть отдельный телевизионный канал, посвященный исключительно жизни в американских тюрьмах. Я собственными глазами наблюдал по американскому телевидению уголовное реалити-шоу, наподобие «Дома-2», где татуированные мужчины гнули пальцы и кидали друг другу предьявы.

У нас в России такое невозможно представить.

Я несколько лет активно пользуюсь социальной сетью «Фейсбук». За многие годы я не помню ни одной дискуссии, посвященной тяжелым условиям содержания российских заключенных.

Конечно, существуют правозащитные организации, всякого рода общественные объединения, «Русь сидящая» и подобные. Есть небольшой отряд активистов, обычно из числа или уже отсидевших, или родственников тех, кто сидит.

Эти люди – да, пытаются сражаться, пишут жалобы, добиваются проверок по линии прокуратуры, по линии надзора, по линии комиссии по правам человека. Есть у нас и комиссия по помилованию при президенте, и другие всякие комиссии и комитеты. Но на одного активно действующего правозащитника приходится по пять тысяч зэков: каждому не поможешь.

Какова причина заговора молчания?

Является ли это признаком равнодушия, безнравственности общества?

Нет.

Корни этого явления чрезвычайно глубоки. В основе его лежит такая категория, как стыд. Оказаться в тюрьме – стыдно. Быть преступником – стыдно, нехорошо. Даже если человек осужден несправедливо, даже если он попал в тюрьму случайно – он молчит об этом.

Российская тюрьма, в отличие от тюрьмы западной, находится вне пространства цивилизации, не является частью обычного мира. Это мир иной, потусторонний. Стыдный. Это чистилище. «То, о чем не говорят».

Русский человек уподобляет пребывание в тюрьме религиозному таинству – событию, происходящему одновременно на небе и на земле, определяющему судьбу на всю жизнь вперед. Таинства крещения, причастия или исповеди не обсуждают – в них просто участвуют.

Более точную аналогию трудно подобрать.

Сакральная таинственность тюрьмы, полная зависимость осужденного преступника от высших сил – ни в коем случае не от государства, не от прокуроров или адвокатов, а только от Бога – очевидная наша константа. Мы попадаем в тюрьму не потому, что нас схватили за руку, не потому, что следователи оформили протокол и обвинительное заключение, – а потому, что так суждено, такова карма, или, говоря по-русски, планида. Потому что так решено наверху.

Попав в тюрьму, мы вверяем себя непосредственно высшей силе. С одной стороны, это очень страшно и унижительно. С другой стороны, это позволяет установить непосредственный, сердечный контакт меж человеком и Богом.

Вот почему все мы молчим.

Вот почему у нас нет и не будет уголовных арестантских шоу.

Из таинства нельзя сделать шоу.

Таинство не обсуждают – в нем участвуют молча.

Вот почему за многие сотни лет существования российской пенитенциарной системы всего несколько человек подали голос из глубин тюрьмы и каторги: протопоп Аввакум, Достоевский, Солженицын, Шаламов, Гинзбург.

Российского арестанта можно уподобить моряку, потерпевшему кораблекрушение: оказавшись на утлой лодочке посреди бушующего океана, такой бедолага, беспомощный и бессильный, может только вверить себя в руки провидения.

Российского человека сажает в тюрьму не закон, а Божья воля. Она ведет его дальше и дальше, из следственного изолятора – по этапу, с этапа – в зону, из зоны – на свободу. Переживания осужденного преступника глубоко интимны, как интимна молитва.

Вот почему мы молчим.

Общее число граждан, вовлеченных в тюремно-лагерную парадигму, исчисляется многими миллионами: одни отсидели или сидят, другие являются ближайшими родственниками тех, кто отсидел или сидит.

Сам я имею некоторый тюремный опыт. В 1996 году я был обвинен в хищении и просидел год в следственном изоляторе «Лефортово», а затем еще два года – в изоляторе «Матросская Тишина». В 1999 году я был признан невиновным и освобожден в зале суда.

Я никогда не считал себя знатоком тюремной жизни и специалистом в «тюремном вопросе». Но мне удалось написать и опубликовать книгу, она вышла в 2005 году под названием «Сажайте, и вырастет».

С тех пор прошло двенадцать лет. Новой книги о современной русской тюрьме так никто и не сделал.

Теперь такая книга есть.

Эту книгу написал житель Иркутска Михаил Захарин.

В 2006 году, в возрасте 27 лет, он был приговорен к пожизненному лишению свободы за совершение убийства в составе организованной преступной группы (банды). Сейчас Михаил Захарин содержится в ИТК «Полярная сова» в поселке Харп Ямало-Ненецкого автономного округа.

Я почти ничего не знаю об обстоятельствах его дела.

В конце книги читатель найдет послесловие, написанное моим другом, московским журналистом Андреем Калитиным. Именно журналист Калитин, однажды получив в руки рукопись Михаила Захарина, счел ее достойной общественного внимания и публикации и обратился ко мне, чтобы я написал предисловие и способствовал выходу этой книги в свет.

В послесловии, написанном Андреем Калитиным, изложены все обстоятельства уголовного дела Захарина, проанализированы протоколы допросов и текст обвинительного заключения. Читатель сам сможет составить мнение относительно виновности или невиновности Захарина.

Мне известно, что Захарин не признал свою вину и до сих пор не признает.

А значит, не имеет права рассчитывать на помилование.

По российским законам, чтобы просить о помилова-

нии, заключенному следует официально признать свою вину и раскаяться. По состоянию на сегодняшний день у Захарина нет никаких шансов выйти на волю. Но свою книгу он написал вовсе не для того, чтобы оправдать себя. И не для того, чтобы привлечь к себе внимание.

Книга начинается с момента ареста главного героя, и далее в ней описывается, как велось следствие и суд, как человек сидел в изоляторах, карцерах, одиночках, как погружался на самое дно.

История, изложенная здесь, – это история мытарств, путь Иова. Это история разнообразных издевательств, пыток, избиений, изощренного и хитроумного физического и психологического насилия, творимого над отдельно взятым арестантом.

Читатель, рискнувший открыть эту книгу, должен укрепиться духом.

Читателя ждут подробные – иногда невыносимо подробные – рассказы о пытках электрическим током, холодом, голодом и жаждой, о пребывании в «пресс-хатах», о бесконечных кровавых экзекуциях и попытках суицида.

Один из фигурантов уголовного дела Михаила Захарина – Павел Баженов – погиб в СИЗО при, мягко говоря, невыясненных обстоятельствах, оставив фактически предсмертное послание, в котором, в частности, рассказывал о пытках и изнасиловании. Второй – Олег Зырянов – выпал из окна третьего этажа здания РУБОПа во время «работы» с ним опе-

ративных сотрудников, выбивавших показания против всей группы.

Эта история примечательна вот чем: она совершенно свободна от патетики.

Она написана не с позиции «я обвиняю».

Она не бьет на жалость, наоборот: автор, прошедший через бесконечные пытки, не только не сломался, но стал сильнее.

Есть в этой книге настоящие имена и фамилии судей, следователей, оперативников, сокамерников. Есть эпизоды, написанные в попытке отомстить и разоблачить, но таких эпизодов – всего два или три.

Автор не ставил перед собой цели вывести кого-либо на чистую воду, добиться чьих-то отставок или увольнений. Эта книга написана не «против тюрьмы», не «против системы», она никого и ничего не разоблачает, как «Архипелаг ГУЛАГ».

Это написано не «против», а «за».

Человек, написавший это, просто решил укрыться в слове. Он сражался за себя. Штука в том, что когда ты пишешь – ты свободен. Ты создатель и обитатель собственного мира. Без твоего разрешения в этот мир не зайдет никакой конвоир или кум.

Эта книга написана ради обретения духовной свободы.

Книга Михаила Захарина поступала ко мне в виде отдельных рукописных тетрадей. Сейчас, когда я это пишу, мне известно о пяти тетрадях, написанных Захариным. Возможно, к моменту издания книги он напишет еще одну или две тетради – они будут добавлены к имеющимся.

Не исключено, что Михаил продолжит писать и после выхода этой книги в свет, – на его месте я бы так и сделал. И тогда со временем книга прирастет продолжением, и ее придется переиздать.

Я бы этого хотел.

Я обратил внимание на рукопись Захарина по двум причинам.

Во-первых и в-главных, рукопись имеет несомненные литературные достоинства. И хотя автор – самоучка, сочинитель-дилетант, ему удалось дотянуться до уровня настоящей литературы, буквально написать свою историю кровью, выразить некую личную, индивидуальную, уникальную правду. И книги такой, повторяю, в нашей русской литературе давно не было.

Во-вторых, я выступаю за то, чтобы общественность наша знала о происходящем в тюрьмах и лагерях как можно больше. Чтобы каждый факт истязаний и пыток, беззаконий и грубейших нарушений прав человека был вскрыт, обнародован и расследован.

Я не знаю, виновен ли Михаил Захарин в преступлениях, которые ему инкриминируют, и не хочу этого знать.

Я не судья ему и не прокурор.

За свои вины Захарин уже ответил перед судом людским. И еще ответит перед судом Божьим. Он уже получил пожизненный срок, и неизвестно, сколько еще мытарств он перенесет, отбывая этот срок.

Я его не оправдываю – но я ему сочувствую.

Я ему никто, и он мне тоже, но я разделяю его боль и его муки. В равной степени я разделяю боль и муки жертв, погибших при участии Захарина или без его участия.

Я не ищу правых и виноватых.

Всё, что я нашел, – это рукопись, доставленную прямо из ада, и рукопись эта пригодна к публикации, а значит, должна быть опубликована.

3

Колония «Полярная сова» – исправительное учреждение особого режима. Коротко поясню, что все подобные заведения поделены на три режима содержания: общий, строгий и особый.

На общем режиме осужденные живут в бараках, большими коллективами. Они могут более или менее свободно передвигаться по территории колонии. Они работают, им пла-

тят за работу деньги (совсем маленькие). Очень важно понимать, что на общем режиме заключенные значительную часть времени проводят под открытым небом, на свежем воздухе. Они могут заниматься спортом и даже участвовать в самодеятельности, музицировать, петь, рисовать и т. д.

На особом режиме ничего этого нет.

Зэка называют особый режим «крытой системой», или, коротко, «крыткой».

На особом режиме заключенный все время находится в камере с одним, двумя, тремя соседями. Свежий воздух такой заключенный получает всего один час в сутки: во время прогулки. Все остальное время он проводит под крышей (отсюда и слово «крытка»). За всеми его действиями внимательно наблюдают надзиратели.

В таких учреждениях поддерживается строжайшая дисциплина. Не может быть и речи о малейшем неповиновении. Количество личных вещей, которые может иметь при себе заключенный, строго регламентировано.

Если заключенному запрещено иметь цветной карандаш – он никогда его не получит.

Если заключенный хочет побриться – он должен написать специальное заявление, и ему выдадут один бритвенный станок, сроком на пятнадцать минут, а после завершения процедуры бритва станок изымут.

Чтобы в таких условиях написать книгу, следует проявить чудеса изобретательности. Чтобы сочинить хоть что-то, нуж-

ны два или три часа покоя и уединения, а в тюрьме нет ни того ни другого.

Обыватель думает, что тюремный сиделец имеет множество свободного времени; это глубокое заблуждение. В тюрьме заключенный все время занят, прежде всего – процессом элементарного физического выживания. Человеку, «далекому от преступного мира» (как говорят в самом преступном мире), это трудно объяснить. Заключенный всегда при деле: он ест, пьет, он стирает вещи, он ремонтирует свою одежду и обувь, он множество сил тратит на соблюдение гигиены, он пытается поддерживать физическую форму, он борется с болезнями, а самое главное – это все он делает вместе с другими, он пребывает в коллективе, среди таких же, как он сам.

Иногда он помогает другим. Иногда он ждет, когда помогут ему.

Иногда – достаточно часто – он участвует в разнообразных конфликтах, от пустяковых до кровавых.

Нетрудно догадаться, что такая жизнь изматывает и истощает прежде всего психологически.

Сидящая по тюрьмам публика отнюдь не состоит из любителей изящной словесности, многие не читали ничего, кроме букваря. Мы понимаем, что контингент тюрем и лагерей состоит не только из неплохих людей, случайно оступившихся на жизненном пути. Есть там и настоящие, природные душегубы, убийцы, садисты, насильники, растлители – лишенные совести, подлые и бесчестные. Есть такие, кто вовсе не имеет

человеческих качеств. Еще больше людей темных, глупых, примитивных, живущих от баланды до баланды, от сигареты до сигареты.

Тех, кто тянется к свету, пытается заниматься самообразованием и саморазвитием, — меньшинство.

Урвать, выкроить время и возможность — трудно. Еще труднее найти слова для сокамерников, убедить, чтобы не дергали, не беспокоили. Объяснить, что именно пишешь, кому пишешь и зачем. Наконец, любая запись, сделанная заключенным, любой клочок бумаги, любой блокнот, любая тетрадка — могут быть изъяты при обыске и не возвращены. Теоретически у тюремных властей есть такое право.

Вместе с тем традиция тюремного писательства обширна и уходит корнями в глубь столетий. В XVII веке протопоп Аввакум (Петров), сидя в Пустозёрске, в земляной яме, написал десятки воззваний, обращенных к единомышленникам-староверам. В XVIII веке в легендарной тюрьме Бастилии писал свои романы маркиз де Сад. В тюрьме Чернышевский сочинил роман «Что делать?». В тюрьме написана «Роза Мира» Даниила Андреева. В тюрьме создал свои «Тюремные тетради» итальянский философ-марксист Антонио Грамши.

Эдуард Лимонов, когда находился под следствием и пребывал в Лефортовском изоляторе, написал шесть романов. Лефортовский изолятор всегда заполнен едва на одну десятую часть, и Лимонову удалось убедить тюремную админи-

страцию: его днем выводили из камеры, где он содержался, в другую, пустую, и запирали на несколько часов, давая возможность поработать в покое. Такой жест со стороны лефортовского начальства следует признать весьма благородным.

Широко известна легенда о том, как вождь мирового пролетариата В. И. Ленин, находясь под арестом, писал статьи молоком, налитым в самодельную чернильницу, вылепленную из хлеба; если в камеру заходил надзиратель – Ленин тут же съедал чернильницу и делал вид, что ничего не происходит. Не знаю, чего здесь больше, правды или вымысла. Очевидно одно: арестанты, зэка, осужденные преступники – люди в высшей степени хитроумные и изобретательные.

Так что лично я верю в чернильницу из хлеба.

В тюрьме – особенно в русской тюрьме – возможно всё, это территория абсурда, Зазеркалье, антимир.

Иногда жизнь человека ничего не стоит; иногда пачка сигарет с фильтром дороже золота.

Основной закон русского арестанта – взаимовыручка. Арестанты и зэки не живут аморфной массой: они объединены в коллектив, в сообщество. Есть правила и обычаи тюремного общежития, так называемые «понятия»: сложный кодекс, регламентирующий поведение всякого человека.

Обыватель думает, что люди в тюрьме живут по звериным законам: кто сильнее, тот и прав. Это не так. В тех тюрьмах, где сидел я, любое физическое насилие было строжайше запрещено. Драки бывали, но очень редко, и всякая дра-

ка становилась предметом разбирательства; зачинщиков сурово наказывали. Избиения были возможны только в исключительных случаях и только с санкции воров в законе, «положенцев» и «смотрящих».

Еще более тяжелым проступком являлась драка с применением оружия: ножа, «заточки» или «мойки». Пустить кровь человеку – это «блядский ход». Если ты взял в руку любой предмет с острым краем, необязательно заточку (нож), – любой кусок металла или пластмассы, фрагмент бритвенного лезвия, хотя бы осколок стекла от электрической лампочки, всё, чем можно порезать, поранить до крови, – ты перешел черту, и тебя призовут к ответу. Все разногласия, споры и конфликты решаются только путем «рамсов» и «качалова», то есть переговорами, устными дискуссиями.

Парадоксальным образом тюремные правила общежития иногда оказываются гуманнее и справедливее Уголовного кодекса.

Внутренний, тюремно-лагерный преступный мир теснейшим образом связан с внешним преступным миром. Вокруг каждой тюрьмы, вокруг каждого следственного изолятора, вокруг каждой зоны организован «воровской ход» и «общий ход». С воли в тюрьмы и зоны загоняются передачи, продукты и медикаменты, иногда в значительных объемах, буквально тоннами. Это называется «грев». Многие тысячи профессиональных уголовников, пребывая на воле, тратят

силы, время и значительные денежные средства на организацию «грева»: это поднимает их во внутренней иерархии. Если ты не знаешь, как «греть» тюрьмы и зоны, если ты этим не занимаешься – ты никогда не станешь авторитетом в преступном мире. «Грев» поступает как по легальным каналам, так и по нелегальным. Практически в любую русскую тюрьму широким потоком поступают наличные деньги, алкоголь и наркотики. И то, и другое, и третье строжайше запрещено, но только на словах: в реальности раздобыть гашиш или героин в тюрьме иногда проще, чем на воле. Бороться с этим невозможно. «Загнать» товарищу на зону дозу кайфа, литр водки, несколько сотен рублей – святое дело, на это тратятся значительные усилия, подкупаются рядовые надзиратели, а часто и верхние чины администрации, вплоть до хозяина (начальника тюрьмы).

Как ни странно, такая ситуация всех устраивает. Зэка имеют «запретку», администрация имеет относительный порядок.

Все заинтересованы в том, чтобы дело оставалось шито-крыто.

Мне известны случаи, когда с воли в тюрьмы – совершенно бесплатно – загонялись целые рентген-кабинеты или тысячи комплектов вакцины от менингита. Это даже нельзя назвать коррупцией, поскольку коррупция предполагает все-таки некий момент материальной выгоды, обогащения, стяжательства – а в случае с арестантами и зэка речь идет не

об обогащении, а об элементарном выживании, о спасении жизни; это разные вещи.

Отсутствие общественного интереса, общественной дискуссии на руку участникам «общего» и «воровского хода»: никто не хочет, чтоб посторонние люди, журналисты и общественные деятели, совали свой нос в происходящее. Я лично знал старых зэков, которые считали, что не только судьи и прокуроры, но и адвокаты, и журналисты, и общественные деятели – все по сути «менты», все враги арестанта, все «работают на систему».

Я хорошо помню случай, когда к нам в камеру СИЗО «Матросская Тишина» зашли члены какой-то комиссии по надзору и спросили, есть ли жалобы. И мы – сто сорок человек, сидящие в камере на тридцать два места, покрытые язвами, полумертвые от тесноты и духоты, – все мы промолчали.

– Нет жалоб! – крикнул кто-то из задних рядов.

И комиссия удалилась.

Не знаю, чего больше в этом заговоре немоты: презрения, ненависти, отчаяния, неверия в перемены к лучшему.

Но если не верить – как тогда жить?

С легкой руки нашего главного тюремного писателя, Солженицына, стала широко известна поговорка «не верь, не бойся, не проси». Но я не помню ни одного арестанта, который употребил бы в беседе эту поговорку.

Она лжива.

Как же не верить, если без веры в людей, в Бога, в высшую справедливость – человек не живет?

Как же не бояться, если страх – естественный мотиватор и регулятор наших поступков? Даже самые сильные духом и телом люди боятся смерти, голода, побоев.

Как же не просить, если взаимопомощь – одна из основ тюремного общежития?

Не существует ни одного зэка или арестанта, который не попросил бы у соседа или товарища сигарету, спичку, щепотку соли или чая. На то мы и люди, чтобы верить, бояться и просить.

Я помню главный и самый важный урок, вынесенный из тюрьмы. Один человек всегда поможет другому человеку. Беда объединяет. В русской тюрьме самые дикие и страшные люди: убийцы, злодеи, мошенники, негодяи – способны создавать сложные объединения, сообщества и системы ради элементарного выживания.

Однажды я сидел в карцере «Матросской Тишины». Каждую ночь ко мне закидывали «грев»: чай, курево, конфеты, сахар.

Чтобы организовать доставку «грева», половина тюрьмы приходила в движение. Смотрящие хат платили дежурным по проходам. Дежурные по проходам отдавали часть выручки корпусным надзирателям. В круговорот «общего хода» были вовлечены арестанты из хозяйственной службы, гражданские специалисты – врачи, даже «кумовья», то есть тю-

ремные оперативники.

Круговорот «грева» внутри изолятора был очень сложным, многоступенчатым. Сотни килограммов чая, сахара, сигарет, средств гигиены путешествовали по «дорогам» и «кабурам» из одной камеры в другую. Вес и количество строго учитывались. «Смотрящие» и «положенцы» рассылали «прогоны», где было подробно разъяснено, какие камеры «греют» карцер, какие – тубанар, или больничку.

Сообщая эти подробности, я вовсе не выдаю никаких тайн: система «общего хода» известна тюремной администрации во всех деталях.

О фактах пыток, избиений, выколачиваний признательных показаний также широко известно – но эта информация замалчивается.

Почему это происходит?

Попробуем разобраться.

4

Никто не знает, насколько распространено сейчас в России выбивание признательных показаний из подследственных.

Никакой статистики нет и быть не может.

Но я возьму на себя смелость утверждать, что побои, запугивание, издевательства и психологическое давление практикуются в подавляющем большинстве случаев, если

речь идет о раскрытии особо тяжких преступлений, убийств и бандитизма. Я утверждаю это со слов своих знакомых – полицейских оперативников и следователей.

Взрослого человека, обвиненного, например, в хищении, бить и пытаться не будут. А вот молодого парня, бандита, подозреваемого в убийстве, бьют в ста случаях из ста.

Оперативники – не дураки. Если молодой человек хорошо одет, уверен в себе, физически развит, если он имеет дорогой автомобиль, если живет на широкую ногу и при этом нигде официально не работает – это достаточные основания для того, чтобы считать его бандитом.

Хороший оперативник знает всех бандитов в своем городе, на своей «земле».

Хороший оперативник знает, кто и где продает наркотики, кто скупает краденое, кто перебивает номера угнанных машин, кто собирает общак, кто «положенец», кто «смотрящий». Внутри себя, в своей голове, он легко отделяет хороших от плохих, честных от бесчестных.

Бандита он искренне считает своим злейшим врагом.

В 1993 году я попал под подозрение в убийстве и просидел трое суток в ИВС. Меня несколько раз били, но, так сказать, в щадящем режиме – скорее, запугивали.

Я хорошо помню аргументы оперативников.

– Откуда у тебя такая кожаная куртка? – спрашивали они. – Откуда такие дорогие сапоги? Ты говорил, что в тот

день обедал в кафе, – откуда у тебя деньги на обеды в кафе? Мы вот не ходим обедать в кафе, нам не по карману! Ты снимаешь квартиру в Москве, платишь 60 долларов в месяц – откуда у тебя такие средства? Где ты работаешь? Где твоя трудовая книжка?

Они – оперативники, сыщики – были очень искренними в этих вопросах. Они ненавидели меня. Они не просто «делали свою работу». Это было личное, нутряное. Они искренне считали, что воюют на стороне добра и правды. Избивая, пытая, унижая подозреваемых, они полагали, что совершают благодеяние.

На войне как на войне.

Если враг не сдается – его уничтожают.

Если подозреваемый не дает показаний – его нужно заставить.

Избиения и пытки происходят вовсе не потому, что в полиции работают сплошь садисты и неумехи, неспособные собрать доказательную базу в рамках закона. Для сотрудников полиции, пытавших Захарина, его вина была неоспорима. Они считали, что правы. Очистить землю от преступного элемента любой ценой, законными средствами и незаконными – вот какой была их цель.

Хороший оперативник с одного взгляда отличает честного человека от бесчестного. Или думает, что может отличить. И если он видит, что перед ним бесчестный человек, – он не будет с ним миндальничать.

Это личное.

Это война. Либо ты их, либо они тебя.

Соответственно, представители преступного мира отвечают полицейским такой же ненавистью и презрением.

И с той, и с другой стороны – множество бесстрашных, смелых, отчаянных, готовых на всё. И с той, и с другой стороны есть предатели и ренегаты. Многие профессиональные преступники являются тайными полицейскими осведомителями. Многие сыщики и оперативники продают информацию преступникам.

Эта сложная система пребывает в динамическом равновесии.

Любой профессиональный убийца знает: если его возьмут – его будут пытаться. Он к этому готов. Любой сыщик знает: если в его руки попадет убежденный уголовник – его не следует жалеть.

Любой сыщик, любой следователь и дознаватель, любой прокурор, ознакомившись с материалами уголовного дела, за пять минут легко определяют, виновен ли фигурант. Это внутреннее ощущение, оно никак не связано с наличием либо отсутствием доказательной базы. Это опыт и интуиция.

А как же закон, спросим мы себя. При чем тут интуиция и опыт, если есть закон, вроде бы одинаковый для всех?

Не могу не вспомнить историю, услышанную мной в следственном изоляторе «Матросская Тишина».

Со мной в камере сидел человек по прозвищу Американец. Он был русским эмигрантом, получившим вид на жительство в США. Однажды он просидел полгода в американской тюрьме и много об этом рассказывал.

Он жил в Калифорнии, в двухэтажном доме, на первом этаже, а на втором этаже жил его сосед. Этот сосед очень любил по вечерам выпить пива, взять дробовик и пострелять по местным калифорнийским грызунам, опоссумам. Нашему Американцу это не понравилось, однажды он вступил с пьяным соседом в конфликт, подрался и отобрал у него дробовик – а тут подросла и полиция. Американца арестовали с оружием в руках.

Ему грозило до двадцати лет.

По американским законам любой задержанный вправе рассчитывать на скорый и справедливый суд. Любой арестант, от мелкого воришки до убийцы, обязан предстать перед судьей в течение месяца. Если за месяц арестант не подготовился к защите – судебное заседание, по согласованию с обвиняемым, можно отложить еще на месяц, но не более.

У Американца не было денег на хорошего адвоката: его защищал бесплатный адвокат, предоставленный штатом Калифорния. Адвокату потребовалось время для подготовки линии защиты. Каждые тридцать дней Американца вывозили в суд, чтобы он лично мог заявить, что не возражает против переноса его слушаний.

Так прошло полгода. Наконец была назначена дата судеб-

ного заседания.

На суд Американца нарядили в пиджак, рубаху и галстук. Он прибыл в здание суда, закованный в цепи, но никелированные браслеты спрятали под манжеты рубахи и вдобавок скамью подсудимых отгородили особой кисейной занавеской. Это было сделано для того, чтобы присяжные заседатели не видели, закован ли человек в цепи. Прибыл он из тюрьмы под конвоем либо пришел с воли, своими ногами? Присяжные не должны были этого знать: такая информация могла повлиять на их решение.

На суд явился полисмен, арестовавший нашего Американца с чужим оружием в руках.

– Обвиняемый является этническим русским, – сказал судья. – По законам штата Калифорния вы, офицер, должны были зачитать ему его права на его родном языке. Вы обязаны были иметь при себе специальный блокнот-разговорник, в котором права обвиняемых переведены на все основные мировые языки, включая и русский язык. Скажите, был ли при вас такой блокнот в момент задержания подозреваемого?

(Мы помним, что это такое – зачитать права, мы все смотрели голливудские фильмы и знаем текст наизусть: «Вы имеете право хранить молчание, вы имеете право на адвоката, всё, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде...» – и так далее).

– Нет, ваша честь, – ответил полисмен. – Выходя на де-

журство в тот день, я забыл блокнот в участке. Я увидел, что подозреваемый хорошо владеет английским, и зачитал ему его права на английском языке. Не на русском.

И тогда судья ударил деревянным молотком.

– Подозреваемый невиновен. Арест произведен с нарушением закона.

В тот же день Американца освободили.

На следующий день ему выплатили компенсацию за все месяцы, проведенные в следственной тюрьме: недополученную заработную плату за полгода, 18 тысяч долларов. И специальный чиновник вдобавок проследил за тем, чтобы Американца восстановили на том же рабочем месте, которое он занимал до ареста.

Прошло двадцать лет с тех пор, как я услышал эту удивительную историю. Я навсегда ее запомнил.

О чем она? О торжестве закона. О том, что есть на планете места, где закон действительно превыше всего.

Хотим ли мы, чтобы закон в России работал так же? Хотим ли мы, чтобы отмерли негласные правила, «понятия», обычаи, традиции? Чтобы повсюду торжествовал только закон и ничего, кроме закона? Хотим ли мы, чтобы перед законом были равны все: президенты, депутаты, олигархи, воры, рядовые граждане?

Лично я не знаю. У меня нет однозначного ответа.

Одних бьют, потому что «положено» бить. Другие сидят, потому что «должны» сидеть. Третьи воруют, потому что

«могут себе позволить». Четвертые берут взятки, потому что «как же не брать, если все берут».

Закон – не главное. Над законом есть еще что-то. Личные убеждения. Профессиональная мораль. Интуиция. Божья правда. Авторитет. Заслуги. Личные качества. «Хорошего человека» можно и не сажать. «Плохого человека» посадить можно и нужно.

Украл две банки соленых грибов – тебе дадут пять лет общего режима.

Украл 200 тысяч тонн нефти – тебе будут жать руку и улыбаться.

Народ – отдельно. Закон – отдельно. Государство – отдельно. Правда – отдельно. Бог – отдельно. Милосердие – отдельно. Деньги – отдельно.

Ничто не связано ни с чем, у каждого своя правда, свои аргументы, свои ценности.

Когда все это изменится? Нужно ли это менять? Кто это поменяет и как?

Неизвестно.

5

В XVIII веке уголовным преступникам в России вырывали ноздри, а на лбу ставили татуировки «вор» или «кат», что значило «каторжанин». Иглами, укрепленными в деревянном основании, пробивали кожу арестанта на лбу, а затем

места уколов натирали порошком. Эти татуировки назывались «пороховыми» и оставались на всю жизнь. Однажды попав на каторгу, люди пропадали навсегда – никто не возвращался.

Нравы карательной системы описал сначала протопоп Аввакум, а затем Достоевский, в книге «Записки из Мертвого дома». При этом количество тяжких уголовных преступлений, убийств, истязаний и грабежей в царской России было невелико.

В 1913 году, в период расцвета Российской империи, в тюрьмах и на каторжных работах содержалось всего лишь 130 тысяч человек, при общем количестве населения в 130 миллионов.

Сейчас, в 2018 году, как уже упоминалось, в России сидят 640 тысяч человек.

Больше всего сидело при товарище Сталине. От 2,5 до 3 миллионов.

В 1996 году, когда я сам сидел, вместе со мной сидело 1,4 миллиона, из них около 500 тысяч в следственных изоляторах, остальные – уже осужденные – в колониях.

Эти цифры ужасны и могут напугать либерально настроенного обывателя, и многие из них проклянут Сталина и тоталитарный строй. Но тут можно упомянуть, что в США, в свободной и прекрасной Америке, в данный момент по тюрьмам сидит около 3 миллионов человек. То есть в процентном соотношении ровно столько же, сколько при това-

рище Сталине в самые суровые годы его правления.

Так мы убеждаемся в том, что мощь репрессивной машины не зависит от общественного устройства: самая гуманная и развитая в мире демократия – американская – сажает людей за решетку столь же активно, как и сталинская тирания. Другое дело, что американское государство богаче российского в пятьдесят раз и, следовательно, может тратить на содержание своих преступников в пятьдесят раз больше средств, чем российское.

На содержание преступников в тюрьмах Америка тратит 80 миллиардов долларов в год.

Еще лучше обстоят дела в демократиях Старого Света. В Западной Европе условия содержания заключенных сходны с санаторными.

Андреас Брейвик, норвежский террорист, убил семьдесят человек и получил за это двадцать один год тюрьмы. Брейвик отбывает наказание с комфортом, у него есть телевизор, холодильник, компьютер, деньги на личном счету, возможность работать, посещать спортзал, а недавно по решению суда он получил от правительства Норвегии компенсацию в несколько тысяч евро за то, что его недостаточно сытно кормят.

Русскому арестанту такие истории непонятны. Российское общество устроено иначе. Преступника, убившего семьдесят человек, скорее всего, тоже убьют.

Так, например, скончался в колонии «Белый лебедь» из-

вестный чеченский террорист Салман Радугев: по официальной версии, он умер от кровоизлияния в мозг, по неофициальной – его забили до смерти. И в российском обществе не было слышно протестов и требований расследовать его гибель.

Собаке собачья смерть. Помните такую поговорку? В России всегда существовал и существует высший суд, не знающий ни жалости, ни снисхождения.

Популярна легенда об убийцах знаменитого музыканта, шансонье Михаила Круга: убийцы эти якобы были ликвидированы представителями преступного мира, с общего согласия, безо всякого участия правоохранительных органов.

Конечно, не очень правильно будет здесь упоминать слухи и легенды, идущие вразрез с официальными версиями. Но российский преступный мир крепко держится именно на легендах и изустных рассказах.

До сих пор у нас в стране есть целые регионы, сотысячные города, где каждый третий мужчина старше восемнадцати лет или отсидел, или готовится сесть. В таких местах все живут «по понятиям», Уголовный кодекс ничего не значит, значительная часть сотрудников полиции коррумпирована и сращена с преступным миром; известны случаи, когда сбор «общака» для «подогрева» тюрем и зон производился в школах, среди детей двенадцати-тринадцати лет.

Тотальная безработица и безденежье, отсутствие каких-либо социальных перспектив, неверие в государствен-

ные институты, уныние, алкоголизм и наркомания – вот корни преступности, и не только российской. Так везде: в Мексике, в Бразилии, в Китае – во всех странах с большим количеством населения и высоким уровнем социального расчленения.

Преступность появляется везде, где общество устроено несправедливо.

Русская преступная идея, уголовная традиция всегда была очень крепка, она всегда подпитывалась человеческим отчаянием, наивной верой в справедливость, безысходностью и алкоголем.

Противостояние воров и начальников длится сотни лет. Иногда оно принимает формы открытой кровопролитной войны, как в 20-е и в 90-е годы прошлого века. В другие периоды государство одерживает верх, ликвидируя бандитизм и снижая уровень бытовой преступности.

Но до конца этой войны еще очень и очень далеко. Нет никаких предпосылок к тому, чтобы однажды люди вообще перестали убивать и грабить друг друга.

6

К настоящему моменту Михаил Захарин отсидел уже более двенадцати лет.

Я совершенно точно знаю, что его книга дойдет до своего читателя и что ее ждет долгая судьба. Эту книгу прочтут аре-

станты и зэка – не все, конечно, но любители чтения. В тюрьмах таких людей немного, но они есть. Эту книгу прочтут члены их семей, а также круг граждан, специально интересующихся тюремной тематикой; таких тоже немало в России.

Всем этим людям важно знать следующее.

Преступная, тюремная, уголовная идея крепка и сильна, но следовать этой идее можно только вынужденно, когда нет никакой альтернативы. В этой идее нет ни света, ни жизни, ни любви – это идея боли, насилия и ненависти. Всем, кто идет по преступному пути, следует искать хоть малейшую возможность сойти с этого пути, выйти к свету.

У меня нет других слов, кроме самых простых.

Зло умножает зло. Убийства, избиения и пытки не прекратятся ни сегодня, ни завтра.

Тюрьмы стояли и будут стоять при нашей жизни и всегда будут заполнены. Их заполняют главным образом оступившиеся дураки, глупцы, бытовые преступники, случайные граждане, «мужики» и «пассажиры». Среди них будут и настоящие выродки, животные в человеческом обличье, людоеды, насильники, педофилы – те, кого действительно следует навсегда надежно изолировать от общества.

Но будут и третьи, и в значительном количестве.

Будут молодые парни, избравшие для себя путь плаща и кинжала, авантюристы, искатели приключений, любители американских боевиков, отчаянные, безбашенные персонажи фильмов «Бригада» и «Бумер», не желающие ни от кого

зависеть. Таким парням я хотел бы посочувствовать. В их жизни нет и не будет никаких перспектив. Избрав для себя путь преступника, они проиграли.

Не надо спешить проиграть свою жизнь – она одна, другой не дадут.

В истории, изложенной Михаилом Захариным, нет ни правых, ни виноватых. Есть истина. Она и является главным героем книги Захарина.

Насилие порождает насилие, жестокость порождает жестокость, беззаконие порождает беззаконие, любое маленькое дерьмо всегда является частью большого дерьма.

Тюрьмы и колонии переполнены людьми, осужденными за кражу курицы, ящика водки или канистры бензина. Чиновники, ворующие миллиардами, не несут никакого наказания, покупают дома за границей, летают на личных самолетах и с улыбками раздают интервью.

Крайний цинизм, бесстыдство, открытое и демонстративное презрение к рядовым гражданам со стороны чиновничества давно являются нормой в нашем обществе. «Закон что дышло, – говорит русский человек, – как повернул, так и вышло». Закон в России не олицетворяет собой справедливости, не охраняет ее.

Справедливости нет. Ее никогда не было. На что же нам всем остается надеяться? На что остается надеяться Михаилу Захарину?

Следствие по его делу происходило с грубейшими нарушениями закона. Это очевидно. Читатель, открывший эту книгу, быстро сможет убедиться в том, что автору не было никакого смысла придумывать и фантазировать: его книга вопиет о правде. Придумать такое – невозможно.

Во что же нам верить? В высший суд? В светлое будущее? Нет никаких предпосылок к тому, чтобы гражданин моей страны вдруг всею душой уверовал в закон.

Во что верит Михаил Захарин, пожизненно осужденный? В закон он точно не верит, у него есть для такого неверия все основания. Но он верит в себя, в людей. Если бы не верил в людей – не написал бы книгу.

Он верит в нас.

Приговоренный к пожизненному. Книга, написанная шариковой ручкой

Часть I

Когда-то у меня была жизнь. Яркая, громкая, счастливая, полная всеми формами свобод и выражений – жизнь. Мое счастливое детство, подаренное мне моими родителями, плавно переходило в бурное спортивное юношество. Фазу подросткового бунта я проскочил практически незаметно и делал первые шаги во взрослую жизнь, которая требовала отвечать за свои слова и поступки.

Мне, как и каждому в эти годы, хотелось быть замеченным, в чем-то успешным, уважаемым если не всеми, то хотя бы большей частью своего окружения. Через этот соблазн все проходили, когда тебя подбадривает и подпинавает сзади твоя молодость, здоровый задор, амбиции и уверенность в том, что тебе всё под силу. Ты просыпался по утрам, выходил на улицу и шел завоевывать этот мир согласно своему «юношескому максимализму». И у тебя вроде получалось, ты двигался к своим целям, где-то нагло напролом, где-то аккуратно, никого не задевая. Тебя замечали, знали, здоро-

вались, тебя любили девушки, ты отвечал им взаимностью. Ты старался быть надежным, порядочным человеком, верным другом, хорошим товарищем, обычной социальной единицей, которая стремится реализовать свой потенциал.

Ты был просто человеком, движимым своим представлением о счастье, пусть даже ошибочным. И тебе казалось, что так будет всегда, ты всегда будешь молодым, сильным, здоровым, свободным, что судьба будет тебе улыбаться и ничто не встанет на твоём пути.

И вот ты в расцвете сил и молодости идёшь по залитой солнцем улице, наслаждаясь красотой и разнообразием видимых перспектив, пребывая в чудесном настроении, выстраивая не менее чудесные планы на будущее, – и вдруг! совершенно неожиданно на сумасшедшей скорости тебя сбивает огромный грузовик!

И всё! Вся твоя жизнь меняется моментально. Всё, что ты любил, чем жил, всё, что ты вынашивал, строил, лелеял, – всё летит к чертям!..

...Сначала черная, немая темнота. Мертвая тишина. Как будто и не было ничего. Ни жизни, ни бытия. Потом потихоньку появляются слабые проблески робких мыслей, через которые приходит понимание, что ты ещё жив. Находишь себя в сознании, приоткрываешь глаза. Выходишь на свет из комы. Оглядываешься – и видишь лишь обломки своей уродливой, раскуроченной жизни, разбросанные в пустой тюремной камере для пожизненников.

Бездна тоски и боль! Отчаяние и обреченность становятся твоими сопровождающими... Деваться некуда.

Понимаешь, что жизнь осталась где-то позади. Впереди унылое существование и какое-то еле уловимое чувство, что-то вроде надежды...

И ты начинаешь вспоминать, что было.

Я попробую рассказать свою историю.

* * *

Хотите узнать, что испытывает человек, приговоренный к пожизненному лишению свободы? Я знаю, хотите. Но не пытайтесь. Вы даже и близко не подберетесь к той бездне отчаяния и чувства произошедшей беды, в которую вас несурово опрокинула жизнь!

Попытка объяснить это состояние словами смехотворна. К тому же я не настолько виртуозно владею искусством слова, чтобы суметь приблизить вас к этому пониманию (да и нужно ли?).

Но я попробую.

Чтобы понять, что испытывает человек, приговоренный к пожизненному заключению, а впоследствии узнать всю череду методичных унижений и лишений, нужно буквально влезть в его шкуру! Но у каждого из нас своя судьба, свое место в этой короткой жизни и своя в ней роль. И я искрен-

не рад, что вся эта страшная изнанка жизни, весь этот *анти-мир* обошел вас стороной. Но еще многих он застигнет и по-домнет под себя, оставив от людей либо ничто, либо слабые воспоминания и короткую память.

Это глубоко личная история, написанная самому себе, о себе, с подразумеваемым гипотетическим читателем, который присутствует лишь в моем воображении и перед которым я не сочту нужным извиняться за мой стиль, за мое изложение мысли и многочисленные ошибки.

I don't care! И это делает меня свободным в пространстве белого листа.

* * *

Это случилось со мной 27 декабря 2006 года. День Приговора. Он зафиксировался четко в моей памяти, как и все опасные в моей жизни дни. Человеческая память вообще избирательна, но почему-то самые тяжелые и трагические дни со всеми подробностями четко отпечатываются в наших воспоминаниях. И никуда не уходят.

День был по-зимнему теплый, и «снег осыпался бело». Это я успел почувствовать, когда проходил по тюремному двору, направляясь к машине, которая должна была везти меня на оглашение приговора в Иркутский областной суд. День был замечательный, и на улицах города царил предпраздничный ажиотаж. Новогодние приготовления и ожида-

ния приводили всех людей к общему радушию и единому радостному порыву, пропитывая атмосферу города дружелюбием. Это дружелюбие было растворено в воздухе повсюду.

Все было как в прошлом году. Как в позапрошлом. Как будет и в следующем. Ничего не меняется внутри человека в преддверии Нового года. Качество и диапазон человеческих эмоций неизменны. Точнее, их химия. И такая же суета на красиво освещенных улицах города. Пробки, спешка, покупки, толкотня распродаж и усталые улыбки продавцов. Запах елки, мандаринов и шоколада – ничего не меняется! И внутри тебя, как и год назад, сладко подсасывающее ощущение неизбежно надвигающегося торжества. Такое щекотное чувство невесомости и эйфории, подпитываемое предвкушением тотального праздника. Ты знаешь, что скоро на тебя обрушится счастье, и тебе никуда от него не деться! Даже если у тебя полное отсутствие праздничной атрибутики, даже если ты в тюрьме, придавленный грузом тяжелейших обвинений, – все равно внутри тебя струится легкость. Все равно тебе никуда от этого не деться! И к концу декабря по старой привычке твой организм, на уровне химических реакций, начинает вырабатывать коктейль под названием «счастье». И ты с удовольствием поддаешься этой игре гормонов, увлекаясь сладким самообманом, потому как не поддаться силе праздника – невозможно, это означало бы признать себя ненужным, одиноким и совершенно заброшенным человеком. А этого так не хотелось, особенно здесь, в тюрьме.

И поэтому в этот замечательный день я ехал за приговором с ощущением праздника в душе, но с тягостным предчувствием в сердце.

Наш кортеж выехал из ворот СИЗО. Он состоял из двух уазиков-«буханок» в сопровождении машины ДПС и пары УАЗов с вооруженными и злыми омонвцами в масках. Кроме этого, в хвосте плелась машина с оперативниками УБО-Па, которые плотно занимались нами на следствии и вели наше уголовное дело (эта горстка людей заслуживает отдель-

ного внимания, и я буду подбирать туалетные слова, когда буду рассказывать о том, как велись следственные действия).

Кортеж выехал из ворот СИЗО, и на большой скорости с сиренами, спецсигналами и мигалками мы двинулись в сторону областного суда. В двух уазиках серого цвета, в малюсеньких боксиках, ютились мы. Нас было семеро. Мы были молодыми, здоровыми, красивыми, сильными и энергичными парнями, которые умели и могли отстаивать свои взгляды. Мы любили жизнь, жизнь любила нас. Мы были уроженцами одного города. Очень часто прокуратура утверждает, что этот факт является чуть ли не основным признаком организованной преступной группы (ОПГ).

Мы летели без остановок, «крякая» спецсигналом налево и направо, прижимая всех к обочине. Даже если нам никто не мешал, мы все равно вынуждали его свернуть. Скорость наших машин была опасна для движения этого города. Машины были перегружены и надрывались из последних сил. Наши маршруты менялись каждый день. Кто-то из высоколобых начальников выдумал себе, что может быть совершено нападение. Мы врывались в город, как сумасшедшие. Дергано и резко передвигаясь от перекрестка к перекрестку, не снижая скорости, кренились на поворотах, терлись между рядами, тормозили, резко стартовали, тормозили снова, противно взвизгивая тормозными колодками. Неудивительно, что однажды мы сбили какого-то мужчину. Точнее, не наша машина, а машина ДПС («форд фокус»). И что вы думаете?

те? Сотрудники ДПС оттолкнули сбитого мужика на обочину, быстро прыгнули по машинам и двинулись дальше, оставив его одного на тротуаре!

В этой сумасшедшей гонке, при всех этих резких маневрах, ты бьешься головой и коленками о корпус машины, испытывая перегрузки на поворотах, как дешевый космонавт, запертый в темной железной коробочке, которая не оставит тебе ни малейшего шанса выжить, если везущее тебя корыто попадет в ДТП.

Визжат тормоза, шумят колеса, хрип рации, рев сирен, мат конвоя. Из колонок надывается шансон. Вонь дешевых сигарет вперемешку с дешевым одеколоном и бензином, вечно усталый и голодный взгляд ротвейлера, в котором видна вся скорбь и печаль собачьей жизни...

Вот такие лихорадочные и опасные броски мы совершали ежедневно из пункта А в пункт В и обратно.

Все это придавало нашему передвижению эффект важности и мнимой значимости, которой на самом деле не было и которая изначально не была нужна никому. Если бы нас возили скромно, без сопровождения, без помпы, ничего бы не случилось. Мы бы не создавали лишние неудобства на дорогах. И не сбили бы человека.

Ну а пока мы жмемся, жмемся каждый в своем малюсеньком боксике. Протиснуться в него можно только боком. Сидишь в нем, согнувшись. Зимой в нем холодно, а летом до одурения жарко. Окон нет. Но есть специальные маленькие

дырочки в форме цветка, для вентиляции. Когда я курил, я вставлял в этот цветок сигарету. Она в аккурат пролезала в отверстие, и когда я затягивался, огонек сигареты торчал на улице. Туда же я выпускал струю дыма. Так делали все, заботясь о чистоте воздуха внутри кабины. Но основная ценность этих маленьких отверстий – это, конечно, то, что в них можно смотреть. В них можно выхватить глазом яркие фрагменты той жизни, из которой нас выкрали. И каждый раз, рискуя разбить себе бровь на поворотах, я впитывал сетчаткой своего глаза свет, струящийся из этих отверстий. Это легко объяснимая визуальная радость, которой стремится воспользоваться каждый, кто долго обходился без воли! В этом отверстии быстро мелькает жизнь со всеми ее красотами и свободным размахом: зданиями, улицами, машинами, людьми, местами города, на которых ты еще недавно *был*. Все это быстро проносится перед твоим глазом, который молниеносно фиксирует образы и передает сигналы в мозг, а тот идентифицирует их как знакомые, родные места, и ты сгораешь от удовольствия, когда снова видишь их! Ты наслаждаешься поглощением света и уличной энергии, где оставленная тобою жизнь продолжает идти... Мелькающая через эти отверстия свобода видится тебе совершенно иной, более насыщенной, яркой и концентрированной. А отверстие как катализатор, который обостряет восприятие мира. И под этим потоком непрерывающихся ощущений ты задумываешься о важных, как тебе кажется, вещах, которые ненадолго отрывают тебя

от тяжелой действительности... Ты думаешь о том, как тонка грань, которая отделяет тебя от свободы. Всего лишь корпус машины, дверь, шаг из нее — и ты снова станешь частичкой этой прекрасной, беспорядочной жизни. Но при всей относительной близости она недостижима.

Еще я размышлял о том, что все бурлящие жизнью городские улицы, по которым мы несемся, здания, люди, витрины, особенно люди, которые стоят на остановках с задумчивыми лицами, — все они, слившиеся в едином потоке сквозь мое отверстие, даже не подозревают, что кем-то подсмотрены, увидены, взвешены и признаны счастливыми. И не догадываются о своем счастье — счастье свободного выбора, свободного передвижения, ничем и никем не ограниченного! Не догадываются, а я теперь уже знаю, какова цена этого чувства — быть свободным. И я рад за них, что им не приходится смотреть на мир сквозь узенькую грязную щель ментовской машины, которая везет тебя на суд, где твою жизнь приговорят к медленной гибели в каком-нибудь дисциплинарном аду...

Едем на приговор — молчим. Смотрим каждый в свои дырочки, думая о чем-то своем. Но кажется, что мысли у нас — общие. И как бы они ни переплетались в наших головах, все они похожи. Потому что ожидаем мы и переживаем об одном и том же. Потому что мы связаны одной бедой, а это всегда сближает людей, даже малознакомых. Наверное, поэтому общее горе не оставляет большого пространства для свободного размышления, оно унифицирует наши мыслительные

процессы, настраивая их на одну частоту одного диапазона.

* * *

Все уже было позади. Позади было жесткое задержание, избиение, пытки током, пытки без тока, голод, холод, унижения в тюрьме и УБОПе...

Позади были пресс-хаты, край, по которому ты балансировал и чуть не упал; было пролито много крови... Была ложь и подстава, угрозы и шантаж, подлость и хитрость следователей (Чайникова, Горлова, Диконовой). Была сфальсифицирована груда документов. Позади была процессуальная чехарда с протоколами допросов, постановлениями, справками, с обысками домов, домов наших родителей, родственников и друзей, друзей наших друзей. Позади было запугивание и страшное давление на наших свидетелей, родных и простых людей, которые хотели остаться порядочными людьми, не выдавая ложь за нужную следствию «правду». И, рискуя собственной шкурой и благополучием, они не продали свою совесть прокуратуре за мнимый и внешний покой! Не все, конечно. Некоторые прогнулись из-за страха перед «органами» и боязни привлечь к себе множество проблем. Они дрогнули не потому, что они предатели, а потому, что они просто *люди*. Люди со своими слабыми и сильными сторонами, со своими недостатками.

Позади остались страх и ужас, несправедливость и обида,

боль и горечь безысходности, моменты слабости. Все крайности, в которые может быть брошен человек, все углы последнего отчаяния, из которых, кажется, уже нет выхода, где он смотрит на самого себя с глубоким сожалением...

Позади остался Пашка! Он не дожил до сегодняшнего дня. Ему не дали. Его убили... Замучили, задушили... Я расскажу об этом позже.

Позади были полтора года тяжелого, напряженного судебного процесса, который мотал нервы, обрекая нас на плохой сон, из-за которого нас месяцами морозили по разным карцерам, изводя холодом и голодом, не давая возможности нормально подготовиться к судебным заседаниям (у меня в личном деле покоятся тридцать четыре постановления о водворении в карцер).

Позади были триста опрошенных свидетелей, было прочитано шестьдесят пять томов уголовного дела, заявлена целая куча ходатайств. Была схватка с прокурорами, операми и администрацией СИЗО как с единым фронтом. За каждый день цеплялись, за каждого свидетеля, за каждый протокол грызлись, отвоевывая свою правду, обличая их ложь!

С первых минут задержания и до сегодняшнего дня это была борьба на выживание. Сначала я выживал физически, психически, морально, потом мы «выживали» процессуально. И вот теперь все наши старания, нервы, труды, муки, все внутреннее напряжение и все средоточие наших надежд были устремлены на итог сегодняшнего дня! На Приговор!

Сегодня все наши следственные и судебные мытарства будут закончены. И будет поставлена калечащая наши судьбы точка. Мы ехали в суд без иллюзий, знали, что приговор будет жестким и, конечно же, обвинительным. Но думаю, что у каждого в душе теплилась маленькая надежда.

Судье не оставили никаких шансов проявить объективность, беспристрастность, взвешивать все «за» и «против» и вынести что-то похожее на справедливый приговор. Создавалась лишь видимость состязательности процесса. На самом деле гособвинитель и судья играли в одни ворота. Директиву судье спустили сверху, думаю, еще до предварительного слушания дела. Вопрос был лишь в сроках. Кому, сколько? Соответственно, в какой-то степени мы были обречены. Но делали всё, что от нас зависело. И даже больше...

Но все это произойдет через час. А пока мы шумно подруливаем к суду, который находится в центре города, возле цирка. Привлекаем много внимания праздно озадаченных прохожих.

Подъезжаем к серым автоматическим воротам с черного хода. Пока они открываются, ОМОН выскакивает из своих машин. Окружают нас. С бдительными лицами и с оружием в руках просят прохожих обходить стороной наши машины, из которых «тайно» подглядываем мы.

Ворота медленно отползают. Заезжает первая машина, заезжает вторая машина. Затем ОМОН, за ними машина с операми.

Форд ДПС умчался по своим делам, чтобы вернуться позже и проводить нас в последний раз до СИЗО.

Перед выгрузкой пацаны начинают быстро глотать никотин. Я не курю уже год к этому времени. Счел для себя ненужным.

В первую машину всегда сажали Мишку, меня, Лёху Быкова, а четвертого всегда меняли: то Лёню Тищу, то Олега, то Дениса Комиссара.

Машина подъезжает вплотную ко входу, на расстояние трех-четырех шагов. Конвой создает коридор без зазоров. По обе стороны вооруженные люди. Кинолог крепче сжимает поводок, лает собака. Все на своих местах.

Первого выпускают Мишку (Михаил Владимирович Скрипник. – *Примеч. ред.*). Открывают дверь, застегивают наручники, и Миша, со своим почти двухметровым ростом, потихоньку протискивается сквозь узкую щель боксика, стараясь ничем не зацепиться. Он выходит.

Через пару минут Саныч (начальник конвоя) возвращает наручники. Затем тот же ряд манипуляций производят со мной. Несколько шагов, и я внутри помещения, которое за полтора года уже стало родным. Все здесь до боли знакомо. И голубой цвет клеток действует успокаивающе.

Процедура обыска (шмона) проходит быстро, потому как все действия раздевания и одевания отточены опытом и временем. В этот день на мне был черный пуховик Nike с ярко-красным подкладом, спортивный костюм Bosco Sport

(Solt Lake City 2002) с надписью “Russia” на спине. Кроссовки Puma на липучке. Черная шапочка и коричневый кожаный портфель – оба Fette неизвестного происхождения.

Снимаешь пуховик. Раздеваешься до трусов – смотрят резинку. Кроссовки – заглядывают под стельки. Потрошат портфель. Досконально, аккуратно, быстро. И заходишь в клетку, которую тебе показывает Саныч.

Саныч! Надо отметить, неплохой человек. Справедливый, строгий, крепкий. Сразу видно, что надежный. К своим обязанностям подходит профессионально, не примешивая ничего личного. Подчиненные его боятся и уважают. Вообще, надо отметить, что с конвоем у нас с самого начала установилось взаимопонимание и добрые отношения, часто выходящие за рамки устава. За последние два года их ежедневное присутствие стало неотъемлемой частью нашей жизни. Невозможно не поладить.

Помню, как в первый день произошла притирка характеров. Мы немного поцапались, прощупывая друг друга.

Лёню Тищу заставили снять нательный крестик. Пристали к нему – и всё! Он не хотел. Стоял на своем. Стали применять силу. Мы подняли шум, да такой, что конвой буквально опешил от столь организованной и мощной реакции! И им пришлось остудить свой пыл. Сошлись на том, что крест оставили, но без веревочки.

С этого дня конвой почувствовал нашу силу и умение отстаивать свое. Стали считаться с нашими просьбами (не все-

гда, конечно). А Мишку с первого дня стали уважать, и уже позже некоторые из них подходили к нему с личными просьбами. Но это уже тайна, о чем и кто его просил.

Мы всегда вступались за любого арестанта, в отношении которого конвой борзел, – конечно, если поведение этого человека было достойно. «Достойно» не в смысле тюремно-арестантских норм поведения, нет! Простых человеческих. Если человек не мог сказать за себя слово в силу своей скромности или врожденной слабости – а сказать нужно было, – то мы говорили! Говорили веско и достаточно убедительно, чтобы к нам прислушались.

С женщинами-арестантками мы вели себя по-джентльменски, были вежливыми, предупредительными. Делились фруктами, бутербродами, которые привозили с собой. Ведь мы пропадали в суде до вечера. Были и беременные молодые девчонки, их приводили на продление санкции. Как-то раз была мама с грудным ребенком. Ребенок спал. Мы не шумели, разговаривали шепотом и соблюдали тишину.

В общем, мы выделялись из основной серой массы, которая мне казалась некультурной, вульгарной, нравственно подгнивающей публикой. Их аморальность становилась очевидна, как только они открывали рот – как будто они были заражены неприличием и приобретенным в лагерях бескультурьем (хотя, конечно, откуда там взяться культуре, если тебя унижают и бьют). Люди эти вели себя с неким налетом блатного нахальства, совершенно неуместным во мно-

гих ситуациях, но, когда обстоятельства менялись, они меняли маску и поведение. Эта мгновенная метаморфоза личности, в сущности, и показывала их истинное лицо, вернее, отсутствие его!

Это была аморфная биологическая масса, влекомая единым порывом тюремного поведения. Планктон.

Конечно, не все! Но большинство оставляет от себя именно такое впечатление.

Мы же были другими. Мы старались не растворяться в этой губительной среде, не впитывать ее грязь и оставаться людьми вне зависимости от окружающих условий. Я до сих пор стараюсь следовать этому принципу. И даже теперь, когда я пишу эти строки из поселка Харп, где отбываю свой пожизненный срок, я не изменил своим взглядам и не изменился сам. Мне хочется верить, что не изменился.

Наверное, поэтому конвой относился к нам по-человечески. Закрывали глаза на некоторые вещи, например на курение в клетках. Курить-то не позволялось... Хм! Вспомнилось из «Идиота» Достоевского: «Курить не запрещалось, но и не позволялось. Так, полупозволялось, по обыкновению, но и судя по лицу».

Так вот! Закрывали глаза на наше баловство. При обыске могли «не углядеть» спрятанные в вещах сигареты, спички. Часто сами передавали и даже сами стояли на шухере. На тот случай, если пойдет Саньч. У Мишки постоянно «не находили» пачку «Парламента» со спичками. Это была такая

игра завуалированных знаков внимания, за которыми скрывалось уважение к человеку, которого действительно есть за что уважать. Также передавали еду, книги, журналы, показывали на своих телефонах всякие забавные вещи, но главное, пожалуй, – велись изредка нормальные человеческие беседы.

Мы знали их всех по именам, некоторых и по прозвищам. Они, в свою очередь, знали наши. Это были нормальные взаимоотношения цивилизованных людей, несмотря на наши статусы. И когда мне вlepили пожизненное, то во взглядах некоторых из них я увидел сочувствие и понимание моей беды, когда я сам еще целиком не осознал произошедшего.

Конечно, в семье не без урода. Была пара человек в составе конвоя не совсем дружелюбного свойства. И один из них был Омуль. Омудем окрестили его мы, а потом прозвище подхватили и его коллеги по батальону. Он был схож с рыбой омудем за счет своих больших, навыват, рыбьих глаз. (Наверное, в прошлой жизни он был рыбой.) Этот человек относился к той категории беспринципных людей, которые не гнушаются самыми низшими средствами для достижения своих карьерных целей.

Таких типов никогда не любят. Их всегда бьют в школе и в армии. Они всегда на обочине нормального общества. В сущности, это бесхарактерные, подленькие, лицемерные существа. Жополизы, готовые воткнуть тебе нож в спину при первой возможности, если это будет способствовать карьер-

ному росту. И если есть у меня опасения за сына, который растёт без меня, то это опасения, что, не дай бог, он может вырасти таким человеком, как Омуль. Но я знаю: он не будет таким!

Омуль – офицер. И ему часто приходилось замещать Саныча, то есть исполнять обязанности начальника конвоя в отдельные дни. О! – вот тут-то во всей красе проявился «феномен вахтера». Дали порулить и покомандовать. Надо отличиться.

Чтобы было понятно, о какой редкой сволочи я веду речь, приведу в качестве примера один случай. Хотя этот человек и не заслуживает столько внимания и времени. Но моя цель – показать тот живучий социальный феномен, который выживает всегда, везде, при всех режимах правления, присутствует во всех пластах истории, который, манипулируя, живет среди нас, пагубно влияя на формирование таких важных принципов, как Дружба, Порядочность, Честь, Достоинство, Верность. Пагубно влияя и разрушая судьбы простых людей! Это вот из-за таких условных «Омулей» в 1937 году пачками губили достойнейших людей в подвалах Лубянки. Именно поэтому как социальный вид он имеет для меня художественную привлекательность.

А случай мой прост. Идет судебное слушание. Прокуроры предоставляют доказательства, читают тома уголовного дела. В зале четырнадцать наших адвокатов. За решеткой – мы. Нас девять человек. Семь обвиняемых и двое в статусе

потерпевших (Алексей Бердуто и Олег Филонов – Филон). Присутствуют родственники, опера и какие-то посторонние люди. В общем, полный зал народу. Судья в скверном настроении. У моей мамы через три дня день рождения. Я не успеваю ее вовремя поздравить открыткой, так как работаем каждый день и Слава, мой адвокат, просто не успевает навещать меня в СИЗО. А такие вещи я передавал через него, так быстрее и надежнее. (Дело в том, что я очень трепетно отношусь к датам всех родственников и близких мне людей. И всегда чувствую себя обязанным вовремя поздравить. Пропустить мамин день рождения – и речи быть не может!)

Накануне этот Омуль, мать его так, поймал Лёху Быкова (Иваныча), когда его адвокат передавала ему пару сигарет во время перерыва. Узрел, сволочь! И написал судье рапорт. Судья, будучи серьезным человеком, зачитал этот рапорт при всех и указал на недопустимость происходящего в зале суда, поставив Иванычу на вид. И тут же запретил адвокатам что-либо передавать нам и наоборот. Вообще ничего! Строго с разрешения судьи.

О, видели бы вы лицо Омуля. Это был его маленький звездный выход. Он был переполнен чувством выполненного долга.

В общем, судья был зол! Дисциплина в наших рядах в эти дни страдала. Было еще что-то – не помню. Было напряжение, и тут я еще с открыткой для мамы. Спрашиваю Омуля: «Можно передать открытку маме, поздравить с днем рожде-

ния?» Открыл, показал, объяснил, что опаздываю, работаем каждый день, ни передать, ни отправить. «Нет!» – тупо ответил он и отвернул свою рожу.

Ладно, думаю, хрен с тобой.

Во время процесса, когда прокуроры читали свою макулатуру, которую они называли «доказательствами», я шепотом попросил список свидетелей и адвокатов. Попросил так, чтобы судья видел, что я беру протоколы и собираюсь их вернуть. Под его взглядом это по умолчанию позволялось.

Перед самой клеткой сидели адвокаты: Беляк (из Москвы), Кучма, Крутер. Мне дали список, это видели все. Омуль, черт его дери, тоже. Он знал, что я хотел передать открытку, и был настороже.

Я демонстративно просматривал бумаги и ловил момент, когда это водоплавающее ослабит бдительность. В то же время я должен был убедиться, что на меня не смотрит судья, судебные приставы и другие члены конвоя. Но главное – это Омуль.

Прокурор читает дело. Все слушают, делают пометки.

И вот я улучил момент, вложил в бумаги открытку и отдаю список обратно адвокатом с пометкой карандашом «передать ее Славе». Но Омуль, эта сволочь, каким-то немыслимым образом сумел увидеть своими выпученными глазенками, как я что-то туда вложил.

И что вы думаете? Этот гаденыш посреди процесса демонстративно встает во весь рост, подходит к адвокату Га-

лине Кучме и говорит: «Отдайте открытку!» Зал замирает. Прокурор останавливает чтение. Тишина в зале, на стадионе и во всем мире! Кажется, даже солнце на секунду потухло.

Адвокат в тихом недоумении. Судья вообще въехать не может, что происходит! Всё внимание на Омуля. Он это понимает. И с великим осознанием своей значимости в этот момент берет список со стола адвоката, находит в нем мою открытку, вынимает не торопясь, чтобы его действия видел судья, и через решетку протягивает мне:

– Забери! – и тем самым окончательно разоблачает мою террористическую акцию под кодовым названием “Congratulate your Mother or die!”.

Разворачивается и садится на свое место с кирпичом вместо лица.

Гробовая тишина. Все смотрят осуждающе на меня!

Всё! Я убит!

Судья, учитывая его скверное настроение в те дни, уничтожает меня взглядом из-под очков, не произнося ни слова! Не зная, куда себя деть от неловкости, пытаюсь объяснить безобидность произошедшего, но не успеваю сказать и слова, как меня жестом усталого пренебрежения усаживают, опозоренного, на место. Я раздавлен и уничтожен! Позорно прибит к столбу!

Я в жизни не мог представить себе ситуацию, что можно чувствовать себя настолько глубоко виноватым и опозоренным только за то, что хотел поздравить маму с днем рожде-

ния!

А у Омуля – мелкое торжество, ничтожная кульминация его служебного долга. Еще одна галочка в его послужном активе.

Потом, когда процесс закончился, я сказал ему прямо в лицо при всех: «Ну и сволочь же ты, Омуль!»

Он промолчал, не ответил. Он трусливым был по природе своей. И прекрасно это знал. Наверное, ему об этом часто говорят. Лишь только когда нас выводили из зала, он туго застегнул мне наручники на руках, мелко отомстив.

Так что я невиновен, мам. Это всё он, Омуль.

* * *

После обыска нас рассадили по клеткам. Есть еще минут пятнадцать перед тем, как нас начнут поодиночке поднимать вверх, в зал суда. Обычно в это время, во время перерывов и многочасовых ожиданиях адвокатов, бурлили страстные и нескончаемые дискуссии. Гремели споры, диспуты, словесные поединки, обмены новостями, мнениями. Решались текущие вопросы, которые не всегда ограничивались пределами тюремной жизни. У всех (почти) были телефоны (по-тюремному – «фага». Почему фага – не знаю!), и это давно не секрет, а боль головная оперов! Телефон – это необходимый атрибут современного заключенного, инструмент, с помощью которого настраивается его благополучие в СИ-

ЗО, тюрьме, лагере. Наличие сотового в СИЗО дает негласное право обладателю причислять себя к привилегированному числу. По крайней мере, в мое время (2004–2006 гг.) это было так.

И там, в клетках, в перерывах между судами, мы говорили о том, что в эфире сотовой связи говорить не рекомендуется. Да и разговаривали исключительно на понятном *нам* языке. Это был наш искусственный, придуманный сленг, это было наше арго, со своими бессмысленными для чужого уха словооборотами и идиомами.

Огромное количество бесед и разговоров во время этих ожиданий запали мне в память. Это время я вспоминаю с теплотой. Потому что это было *наше* время. Единственная возможность собраться вместе, поговорить, выслушать друг друга, поддержать и просто подурачиться.

Там, в клетках суда, мы отдыхали от тюрьмы, от ее несвободы, от ее вонючести и общей тошнотворности бытия. Что может быть важнее в тюрьме, чем возможность собраться вместе! В этих встречах мы подпитывали друг друга силой, заряжаясь оптимизмом и верой. Хотя никто из нас и не проговаривал это вслух, все равно мы это знали и чувствовали в какой-то степени эмоциональную зависимость от общения. И каждое утро нового дня мы с улыбкой, хоть и не всегда, встречали друг друга и были рады, что проведем этот день вместе. Что творилось тогда в суде, в «зале нашего ожидания»! Там стоял гвалт от увлекательных словесных бата-

лий, градус которых зашкаливал до неприличных децибельных высот! Нагнетались такие страсти, что мы забывали, где находимся. Динамика интереснейших споров набирала такую сумасшедшую инерцию, что нас не мог остановить даже Саныч, начальник конвоя. За стенкой, в зале суда, оставливался процесс, заходила секретарь, просила быть тише. (Мы – были.) А ребята из конвоя, развесив уши, получали удовольствие от того, что им приходилось слушать. Особенно когда что-то рассказывал Михаил Владимирович Скрипник. А этот человек умеет рассказывать даже о простых вещах самым интересным образом, целиком захватывая ваше внимание. Его речи напористы, эмоциональны, с четко поставленными логическими ударами и богатой речью. Это сгусток энергии и немалых знаний. Слушать таких людей – одно удовольствие. Мишу даже судья во время протестов никогда не останавливал. Всегда было интересно дослушать его речь. Я соглашусь здесь с Мамоновым, что в российских тюрьмах находится самая энергичная часть населения. Вот и мы, энергичные, не унимались тогда. Это было наше время, в котором пространство подчинялось нам! Это был наш угол некой свободы, кубические метры воздуха, где схлестывалась наша энергия! Так неосознанно формировался наш командный дух. Мы смеялись, шутили, кричали, спорили, подтрунивали друг над другом, оставляя яркие впечатления от уходящего дня.

А потом нас привозили в СИЗО. И разводили по камерам.

Но даже после расставания в ушах еще долго звенело эхо азартных споров. Мы приносили его в камеры. Это хорошее настроение.

Топая по мрачным, сырым и вечно скользким коридорам СИЗО, умещая внутри все впечатления прожитого дня, – я чувствовал себя счастливым! Но это было не то состояние счастья, которого стремится достичь человек. Это было нечто простое и легкое, но вместе с тем очень нужное в этих обстоятельствах ощущение!

* * *

Время подошло. Нас надо поднимать в зал. Саныч отдал четкие распоряжения своим людям. Кто где стоит и что делает. Все встали и зашумели своими грузными телесами, наручниками, зашаркали берцами по полу, начали зевать и выкрикивать односложные фразы. Вывели собаку из такой же клетки, где «хранились» и мы. Заклацали наручниками, забренчали автоматами.

Внутри дернулась струнка нерва – через минуту-другую решится моя судьба.

Увели одного, второго. Подошла моя очередь. Сняли замок с решетки. Приоткрыли дверь, придерживая ее ногой. Надели наручники. «Выходим».

Один спереди, один сзади. По лестнице на второй этаж направо. Слева нещадно и громко лает ротвейлер. Прямо по узкому коридору делаешь несколько шагов, прежде чем нырнуть в зал суда. В конце этого коридора решетка, за которой неизменно стоят наши родственники и адвокаты – родные лица.

За эти несколько шагов успеваешь выделить в толпе своих и обменяться с ними взглядами и улыбками. Я всегда замедлял шаг, идя по этому коридору, растягивал момент.

Тихо зашел в зал. Сняли наручники. Занял свое место.

За эти полтора года у каждого обозначилось свое место на скамье подсудимых (какой-то скабресный каламбур). Клетка была разделена на две части. В одной я, Миша Скрипник, Лёха Быков, Олег Зырянов, Тёма Клабук. В другой: Алексей Бердуто, Филонов Олег, Лёня Тищенко и Денис Комиссаров.

Зал пустой, проветренный. Скоро в нем будет душно. Напротив нас большие окна. За окнами тихо падает белый снег. Стоит теплый декабрьский день. Приближается Новый год, люди ждут его. За окном все то, к чему мы не прикоснемся еще много лет! Сколько? Нам сейчас скажет человек в черной мантии.

И вот заходит секретарь, молодая девушка Женя, в очках с тонкой оправой. И бросает:

– Встать, суд идет!

Все, шумно шурша одеждами, сумками, двигая стульями, встают. Заходит судья в черной траурной мантии. Очки на строгом, сосредоточенном лице, которое не предвещает ничего доброго для нас. И произносит:

– Продолжаем оглашать приговор. Можете садиться.

Все сели, шумно шурша одеждами, сумками, задвигая стулья.

Приговор зачитывают уже третий день, и сегодня мы точно знаем – страницы приговора иссякнули. Прокурорами на прениях были запрошены сумасшедшие срока: от пожизненного (мне и Мише) до семи лет лишения свободы. Они совсем офигели! Опираются такими цифрами, за которыми

кроются человеческие судьбы, как будто это простая математика. Как будто я имею вторую, запасную жизнь. И одну я могу свободно посвятить гниению в какой-нибудь тюрьме, слабо приспособленной к жизни, на краю географии.

О чем они думают, когда разбрасываются пятнадцатилетними, двадцатилетними сроками и «ПЛС» на деле, построенном полностью на пытках и фальсификации? О стране, о долге, о защите общества, об охране закона? Или, может, о предстоящем повышении в должности и дополнительной звездочке?! Мне не залезть к ним в головы. Не узнать, что творится в их извилинах. Иногда мне кажется, что это совершенно другие люди, с другой жизнью, с другой структурой белковых соединений и биологических жидкостей, живущие в другой среде. Я не хочу никого оскорблять, но очень часто их цинизм переходит все границы. И это по-человечески разочаровывает.

Судья дочитывает последние страницы приговора. Читает «о психическом статусе подсудимых», «о назначении наказания», «о гражданских исках», «о судебных издержках». Я в это время смотрю в белые окна, где качаются заснеженные ветки тополей. (Когда я еще к ним прикоснусь?) Смотрю на лица всех присутствующих. На судью, на женщин, которые решили быть рядом со своими мужчинами в этот роковой момент. Смотрю на тревожное, сосредоточенное лицо брата, которое застыло в скорбном ожидании. Смотрю на ад-

воката Славу, в глазах которого заключено знание моей участи. Смотрю на всех, на каждого в зале, как будто хочу увидеть что-то нужное мне, спасающее меня. Хочу зацепиться за что-то, что мне поможет или поддержит. Но не нахожу.

Смотрю и вслушиваюсь в монотонную речь судьи, а мозгом одолевает целый рой струящихся мыслей: чем же будет исчисляться мой срок – цифрами или буквами? Между этими категориями наказаний целая пропасть! Пропасть неопределенных страхов, и отчаяния, и никому не ведомых ожиданий, надежд! Наверное, основное их различие заключается в осуществлении надежды. В ее силе. Человек с исчисляемым сроком имеет крепкую уверенность – надежду, – что срок конечен. А вот человек, приговоренный к ПЛС, в этом уверенным быть не может. Сбыточность его надежды сводится почти к нулю. Хочется сказать, что ее вообще нет, но это будет неправдой. Надежда всегда в нас присутствует, в какой бы жопе мы ни оказались. И если бы ее не было у меня, этих строк бы не существовало. Вопрос в том, насколько серьезно мы к ней относимся и что делаем для того, чтобы она осуществилась. Или верить Гроссману, что надежда почти никогда не связана с разумом, что она бессмысленна и ее породил инстинкт? Не знаю...

Судья читает приговор, а я думаю: что же я буду чувствовать, когда *это* услышу? Какотреагирую? Что скажу себе и нужно ли что-нибудь говорить? О чем подумаю? Какая

у меня при этом будет поза, мимика, лицо? Куда мне нужно будет посмотреть, на кого, с каким выражением? Что должно читаться в моих глазах? Боль, скорбь, жалость к себе, обреченность, злость, отчаяние, мужество или отрешенность? Или всё сразу? Что я должен делать, как отреагировать и вести себя в этот момент? Как встретить этот удар достойно?!

А еще, как молнии по ночному небу, проскальзывают мысли: что будет дальше, когда меня приведут в СИЗО после приговора? Что изменится? Куда переведут? Что оставят из вещей? Как начнут обращаться?.. Мелочь.

А что будет дальше в моей судьбе? В какой ад меня забросят, куда? Что будет со мной *там* и что я буду делать там *всю жизнь*?!. И откуда мне снова брать силы, если все они ушли на борьбу со следствием?! Но главное, как встретит новость мама? Что вообще делать с жизнью, с собой? Будет ли смысл жить дальше? Может, нет? Может, махнуть на всё рукой и удавиться?! Но ведь это будет эгоистично по отношению к людям, которые тебя любят! Одни пожалеют, другие подумают: «слабак», третьим будет безразлично. Но какое мне, на хрен, будет дело до них, этих мнений, если меня уже не станет! Ведь все уже так осточертело, и хочется просто покоя, отдыха, тишины. Так не хочется быть героем, хочется быть простым обывателем. Забыть об этом кошмаре, тюрьме, пытках, милиции, вообще обо всей системе правоохранительных органов и обо всем, что с ней связано!

В минуты, когда зачитывался приговор, все эти мысли

вихрем проносились в моей голове, потихоньку нагревая мне мозг. В этот момент мне хотелось, чтобы на свете был бог. Хоть кто-нибудь, на кого можно было бы опереться и понадеяться! Мне хотелось иметь крохотную, но крепкую уверенность в том, что решение моей (нашей) судьбы будет зависеть не от человека в черной мантии, а от какой-то справедливой, сверхразумной вселенской воли. Мне хотелось думать (и я думал), что в самый последний момент кто-то вмешается в ход событий и всё исправит. Всё поставит на места, а меня вернет домой... Я стоял и слушал, оглядывая всех вокруг. Всматривался в лица и глаза людей, смотрел в окно, на падающий снег и свет. Копошился в клубке наводящих на безысходность мыслей. Думал о многих, в сущности, неприятных вещах, моделируя свою реакцию на то, что сейчас должно произойти. Мозг готов был закипеть. Но при этом у меня было какое-то внутреннее спокойствие и уверенность в том, что я не сломаюсь и не подогнуты мои ноги от того, что сейчас услышу. Не покажу вида. Наверное, спасало отстраненное чувство, что это происходит не со мной. Наивное неверие в нелепость происходящего.

И вот мы подошли к кульминации. Судья просит всех встать: «Суд признал виновным Скрипника Михаила Владимировича по статьям (перечисляет все статьи и срок по каждой)». А в конце выдает: «...по совокупности преступлений окончательно назначить двадцать три года лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима».

Ни паузы, ни эмоций, никакой реакции не происходит. Чеканит дальше. Мишкино лицо непроницаемо. Но я кожей почувствовал, что испытал человек, стоящий рядом со мной, – облегчение. Нет, не то облегчение, когда беда обошла тебя стороной, а облегчение, что худшая участь миновала тебя. Да, двадцать три года – это, безусловно, жопа! Но ведь это не пожизненное! Пожизненное – это пиздец! С цифр можно вернуться и обязательно вернешься, а вот с ПЛС уже вряд ли.

Дальше иду я: «...Захарина Михаила Сергеевича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 209 ч. 2 УК РФ, ст. 105 ч. 2 пп. а, е, ж, з УК РФ, ст. 162 ч. 3 п. а, б УК РФ бла-бла-бла, в соответствии со ст. 69 ч. 3 УК РФ по совокупности преступлений окончательно назначить (тут Мишка слегка наклонился к моему уху и шепнул: „Крепись“) *пожизненное лишение свободы* с отбыванием в исправительной колонии особого режима...»

Если бы это был фильм, то после этих слов голос судьи резко ушел бы на задний план и фоном должна была внезапно нахлынуть тревожно-волнительная, трагическая, берущая за душу музыка. И под эту волнующую мелодию пошел бы видеоряд сменяющих друг друга картинок из жизни героя фильма: его детство, дом, друзья, двор, улыбка мамы, первая любовь и все такое, что должно зацепить каждого зрителя. Это если смотреть на мой приговор через призму кинематографа. Но жизнь – не кино.

И хоть я готовил себя к этому дню, к этому приговору, сотни раз прокручивая эту ситуацию у себя в голове перед тем, как уснуть в карцере (а я тогда снова сидел в карцере, куда меня предусмотрительно посадили за шесть суток до приговора), готовил себя психологически – так вот, всего этого оказалось недостаточно, чтобы быть по-настоящему готовым. Удар был, но где-то в глубине. Где-то в глубине моего беспокойного сознания разорвалась маленькая термоядерная бомба. Я засек только ослепительную вспышку, но разрушительная ударная волна еще не дошла до меня. Я понимал, что произошло что-то по-настоящему ужасное и бесповоротное. Но *что* – я еще не был способен осознать до конца. Мое лицо не выражало внутреннего испуга. Я так и продолжал задумчиво стоять. Вида не показывал. Посмотрел в окно, на Славу, на брата глянул. Окинул осторожно взглядом весь зал, украдкой посмотрел в глаза каждому знакомому мне человеку, долго не задерживаясь на нем, потому что никто не выдерживал долго смотреть мне в глаза, будто считая себя отчасти виноватым передо мной. «Виноватым» тем, что не может мне помочь, а любая попытка поддержать меня окажется фальшью, потому что все знают, что это меня никак не утешит и не спасет.

У брата же было не лицо, а маска из мрака и траура – туча целая. Я подмигнул ему, кивнул головой, мол, не унывай. Никакой реакции! Ноль! Показалось, что нужно поддерживать его, а не меня. Он как будто впитал всю трагедию моего

положения. В глазах Славы (адвоката) тоже стояла тень разочарования, досады, сочувствия, а может, груз ответственности давил на него, как будто он хотел разделить со мной мою участь.

Вот и всё! Приговор оглашен. Суд окончен. Судья сдал всем карты, как бы сказав: «Вот, ребята, теперь играйте сами, каждый со своими картами, кто как может, а я умываю руки».

Мне – пожизненно, Мише – 23 года, Олегу – 21 год, Артему – 20 лет. Лёхе – 15 лет. Лёне Тище – 7 лет, Денису – 7 лет.

Человек в мантии объяснил наше право обжаловать Приговор в течение десяти суток. Спросил, понятен ли нам приговор. В общем, формальности. Хлопнул папкой, сунул ее под мышку, поправил на переносице очки и вышел из зала. Из моей жизни.

Все зашуршали бумажками, одеждами, сумками, застучали стульями. Возник умеренный гам. Стали подходить адвокаты, о чем-то говорить с нами через прутья решетки. Я лишь спросил Славу, когда он будет у меня. Он ответил. Все ушли. Я молчал. Меня слегка придавливала тяжесть случившегося, еще пока не осознанного. Пацаны что-то говорили, я что-то отвечал. Помню, что была какая-то неестественность в разговоре. Было что-то не то, мы как-то не так себя вели, и это бросалось в глаза. Какая-то фальшивая «непринужденность» стояла среди нас. Это было неприятно. От этого было грустно...

Потом нас спустили вниз. Пришли машины. Нас загрузили. Уже стемнело, и на улицах города царил приятный предновогодний вечер. Город, погруженный в суету, в уютный свет витрин и реклам, гирлянд и огней. Эту картину дополняли мигалки и сирены нашего несущегося кортежа. Нас повезли в СИЗО. Я ехал и поглядывал в щель на праздничный город. Я был слегка взволнован от всего, что видел, что чувствовал. Я видел людей, машины, витрины магазинов, я видел суету жизни, ажиотаж праздника, которому я теперь не принадлежу. Проносясь мимо, я понимал, как стремительно я все это теряю. Как только мы въедем в ворота СИЗО, как только они со скрежетом закроются за мной – за мной захлопнется этот безумный 2006 год и самая яркая часть моей безумной жизни. За мной сгорят все мосты, и все, что было в моей жизни, останется сзади! Потом будет 2007 год и мутное, полное неизвестности будущее. (Отмечу в скобках: день вынесения приговора – 27 декабря. В возрасте 27 лет. 27 мая мой день рождения. Надвигающийся 2007 год. Номер квартиры 127. Номер машины у отца 027. Вы верите в магию цифр? Я уже да!)

Я ехал и размышлял об этом, жадно впитывая глазом ускользающую свободу. Закроются ворота, и я ее не увижу больше *никогда!!!* Вот что пугало меня дико! Как электрическим током било по мозгам! Понимание этого переломного момента пугало! Настоящее – в будущем. Будущее – это все-

гда неизвестность, а неизвестность — это всегда присутствие надежды на что-то лучшее, на что-то спасительное...

* * *

Так и вышло. Заехали в ворота, которые с шумом закрылись за нами, перекусив невидимую связь со свободой, семьей, друзьями. Теперь я готовился столкнуться с самой ужасной реальностью, которой так боятся все цивилизованные люди, в которую я до сих пор отказывался верить, но неизбежно следовал в ее объятия.

Начали выгружаться. Я сидел отдельно, в стакане (машины уже были другие). Это железный короб без света, воздуха, где вечно бьешься коленками о металлические уголки.

Конвоир, сопя, открыл дверь и сказал, что надо надеть наручники, что следовало это сделать еще в суде, но не стали. Я дал руки. Кладнули железом. Холод металла слегка обжег запястья рук. Я подумал: «Ну вот, началось».

По одному забирали пацанов, выкрикивая их фамилии. Услышал, что «Захарина самого последнего». «Наручники надел?» — «Да!»

С приобретением нового статуса и, соответственно, нового отношения к себе я отчего-то заволновался. Я не курил уже год, но сейчас мне вдруг захотелось затянуться горьким дымом. И я попросил у Миши прикуренную сигарету. Он предложил всю пачку. Я отказался. И через несколько се-

кунд конвойный просунул мне в дырочку дымящуюся сигарету «Парламента». Я затянулся раз, другой. Вкус дыма был неприятен и уже почти позабыт легкими. Но пробрало, зацепило и слегка уняло тревогу. Самообман.

Не докурив и до половины, затушил и бросил. Пакость.

Потом увели Олега. Мы попрощались. Крикнули фамилию «Скрипник». Он что-то бросил мне приободряющее. Я поздравил его с наступающим. Попрощались друг с другом. Из рта шел пар. От железа веяло холодом. Каждый был не в настроении, угрюм и молчалив. Каждому было тяжело по-своему. У каждого теперь был свой срок. Но каждый мог сравнить свой срок и чувство его тяжести с моим. И я уверен, что им сразу становилось чуточку легче. Потому что на фоне моей тюремной бесконечности и предстоящих условий содержания их срока просто блекли. Здесь работал эффект контраста. Человеку всегда легче, когда он видит горе, которое в разы тяжелее его собственного! Тогда он понимает, что произошедшая с ним беда не так уж и тяжела. «Бывает и хуже!» «Всегда есть кому хуже. Вон тому, кто рядом». «Хорошо, что это был не я, а кто-то другой». А вот другому как раз не повезло, потому что этим «другим» оказался я! И это досадно – быть таким «утешительным» примером. Но ведь кто-то же должен им быть. Всю жизнь люди думают, что самое худшее происходит не с ними. Что оно где-то далеко и их это не коснется. И смерть – это то, что случается с другими. Мы отмахиваемся от других сценариев даже в мыслях.

Именно поэтому беда нас застигает врасплох. Мы не готовы к ней. А значит – уязвлены.

Так думал и я. И теперь моя очередь быть для всех тем «примером», о котором все думают, что *это* с ними не произойдет. Фатально не повезло!

* * *

Мишу увели. Пришли за мной. Я выпрыгнул из автозака, стараясь не поскользнуться, и в сопровождении конвойных пошел к тюремной двери с окошком бледно-зеленого цвета.

Не успел я войти внутрь, как на меня налетели, загнули, заорали: «К стене!»

«Ноги шире!» – надрывался ДПНС. Разогнали эков по коридору по углам. «Всем отойти, развернуться к стене, не смотреть!» – «Наручники! Почему наручники застегнули спереди?!» – кричал он уже на конвой.

Все радикально изменилось!

Меня быстро уволокли в комнату обыска. Там собралось уже много народу, того самого обслуживающего персонала СИЗО, который еще утром был достаточно вежлив и дружелюбно провожал нас в суд, желая удачи.

Сейчас это были другие люди – агрессивные, злые, враждебные! Как будто им в голову вставили другую симку, с новой программой поведения и руководством по обращению с осужденными на ПЛС.

Меня заставили снять с себя всю одежду. Я остался в одних трусах. Обыскали и отобрали все, что у меня было. Вернули только футболку и носки, тетрадку, ручку и маленькую деревянную иконку, которую мне подарил Лёня Тища сразу после приговора. Как будто она должна меня оберегать от того, что уже случилось.

Взамен дали черную, унылую «стеклянную» робу. Надел ее. Унизительно и страшно неприятно понимать, что теперь это моя положняковая одежда – *навсегда*! Что никогда не будет уже хороших строгих костюмов, белоснежных рубашек и стильных свитеров! Теперь я государственная собственность. «Родина» обо мне позаботится. Она же меня теперь и оденет.

– Можно я оставлю вот эту вещь?

– Нельзя!

– А вот это разрешите взять с собой?

– Не положено! Теперь тебе ничего не положено.

– А как же мне... – хотел я уточнить.

– Никак!

– Понятно. – Возражать против толпы агрессивно настроенных людей в моей ситуации подобно самоубийству. Я чувствовал их желание меня смять, избить, уничтожить; оно витало в воздухе. Только дернись – и эти люди сорвутся на мне, вымещая все свои обиды на жизнь.

Тут же бросили меня на табуретку, и какой-то перепуганный зэк из хозобслуги неловкими движениями начал брить

мне голову. Налысо. Я сидел, опустив взгляд в пол. Передо мной сидела овчарка с внимательными и умными глазами. Смотрела, считывая малейшие движения моего тела.

Руки сзади туго застегнуты в наручники. Клочками падают на пол мои темные волосы. И мне кажется, что вместе с ними падают клочки моей прошлой жизни. Безвозвратно! Падают на грязный серый бетонный пол, затоптанный, заплеванный, сотни раз забрызганный кровью...

Я смотрел на своего «парикмахера», на овчарку, на клочки своих волос, и мне казалось, что это очень важный экзистенциальный момент, переломный, трагический, наполненный огромным удручающим смыслом, в котором преломляется вся моя судьба. Именно потеря волос на голове, потеря таким грубым насильственным методом, заставляла меня думать, что так же насильно у меня отобрали жизнь! Поломали, разорвали, осквернили, и теперь она валяется на грязном полу у всех под ногами. Ее сметут веником в грязное ведро и выбросят на помойку. Как и меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.